

**ПАМЯТИ
ДРУГА**

*К 60-летию со
дня рождения
В. И. Туренской*

Дружба наша с Валентиной Ионовной была светлой, ничем не омраченной и длилась почти пятнадцать лет. Дружить с нею было легко. Не потому, что она была уступчива, обходила острые углы. Нет! Характер у нее был твердый, она ни к кому не подлаживалась, мнения свои меняла редко, а придерживалась их с завидным постоянством.

Наши вкусы и пристрастия во многом не совпадали. Мы любили разных авторов, разных композиторов и художников, не сходились в оценке многих жизненных явлений. Встречаясь у нее в Ставрополе или у меня в Пятигорске, нередко спорили до третьих петухов и, так и не убедив ни в чем друг друга, опоминались чуть ли не на пороге ссоры. Но ссор не бывало. Всегда дело кончалось смехом, шуткой, а отношения длились без привкуса обиды или затаенного недовольства...

Широта души, терпимость, умение не навязывать свою правоту другому, вот что делало дружбу с нею легкой и светлой.

При всей твердости рано, видимо, сложившегося волевого характера была в

Валентине Ионовне и удивительно привлекательная застенчивость, порою почти робость. Так, стесняясь, внутренне сжавшись, впервые она пришла ко мне с рукописью своей книги «Зрелость», которую издательство попросило меня отредактировать. Первая встреча автора с редактором это почти всегда скрытый поединок, готовность к столкновению мнений, к несогласию. Валентина Ионовна оказалась автором редким! Она умела посмотреть на свою рукопись как бы сторонним взглядом, отнестись к ней критически. Если мне удавалось доказать необходимость переделок или сокращений, переписывала целые страницы, безжалостно вырезала длинноты, тормозившие повествование эпизоды. Эта-то работа нас и сдружила — сразу и надолго.

Но ту же застенчивость мне приходилось нередко в ней наблюдать и при иных обстоятельствах. Когда, например, читала она любимые стихи Багрицкого, говорила о красоте гор, рассказывала о дорогих сердцу людях... Боязнь сентиментальности? Или, быть может, опасение показаться слишком «нараспашку»? Суровая трудовая жизнь с

юности приучила ее к сдержанности, и душевный порыв, открытость она часто маскировала этой милой своей застенчивой улыбкой. Не надо только думать, что была она добренькой. Когда надо, умела быть и резкой, и неприступно холодной.

Я не все принимала из написанного Валентиной Ионовной. Мы часто об этом толковали. Мешающим часто художественным задачам казался мне «педагогизм» ее книг, особенно ранних: «Дорога Елены Никитиной», «Девятая» — дидактика, которую она и не находила нужным укрывать в подтекст, считала ее даже обязательной, особенно в произведениях, написанных для юношества. Несомненно, это ее убеждение было порождено опытом профессии. Потомственная учительница, она пришла в литературу с уже сложившейся судьбой педагога. (Когда появилась ее первая книга, она работала директором института усовершенствования учителей).

Я всегда завидовала ее искрящейся жизнерадостности, собранности, воистину безграничному трудолюбию. Работала она, ограничивая себя в сне, в обыденных радостях жизни — походе в кино, прогулках, в милых женских пустяках — стряпне, заботе о нарядах... Была полоса, когда она страдала тяжелыми головными болями, длительной бессонницей, одолевали ее личные неурядицы, — ничто не могло заставить ее отодвинуть рукопись. Дисциплина души, не слабевшая до самых последних дней жизни! Даже смертельная болезнь, так безвременно сломившая ее, не вырвала из ее рук перо. Она писала и об этой болезни, о людях, прошедших через рубеж тяжких страданий, и даже в этих ее страницах была только вера в жизнь, воля к жизни.

«Все проходит», — какая жалкая, бессильная философия выражена в этом! Пусть ничто не проходит, пусть все это оставляет свой след в душе, след, похожий на цветок или на рану, но пусть душа живет, мучается, тоскует, радуется, возносится к небу и падает в бездну.

Пусть ничего не проходит бесследно, и тогда богатым и мудрым, простым и ясным станет сердце и будет способно увидеть слезу на стволе сгорающего в осеннем пожаре дерева и улыбку цветка в майское светлое утро.

И радость и горе зову я в сердце мое!»

Это строки из записной книжки Валентины Ионовны. Писаны они для себя, к печати не предназначались и оттого, должно быть, столь пронзительна их щемящая искренность. В них формула ее отношения к жизни, ее вероисповедание писателя-коммуниста, ее характер: деятельный, вдумчивый, чуткий ко всему сущему.

Случалось, Валентину Ионовну критика упрекала в приукрашивании действительности, в нежелании замечать теневые стороны жизни. Упрекала в наших спорах и я. Оглядываясь в былое, думаю, прицел этих упреков был не всегда точен. В ее книгах много страниц, сурово осуждающих всякую нечисть, еще существующую вокруг. Достаточно напомнить хотя бы повесть «Где рос яшень»... Особенно волновали ее судьбы людей, искалеченные религией. В обличении церковников, лукавых «ловцов» душ человеческих она была гневной, находила жесткие слова. Тема эта привлекала Валентину Ионовну издавна. Как она говорила, она росла в религиозной семье, наблюдений у нее накопилось в достатке и рассказать о том, как человеческий разум, как строй нашей жизни разрывает «святые тенета», рассеивает слепую веру в бога, казалось ей задачей значительной, достойной больших замыслов. Одна из первых ее рукописей (не опубликованная) «Град Китеж» — об этом. И уже будучи зрелым литератором, Валентина Ионовна думала вернуться к роману, дописать, переработать...

Сам склад ее натуры, ее дарования вел к тому, что влекло ее в первую голову доброе, светлое. Таковы были ее взгляды на людей, на действительность, ее писательские краски. Это заставляло ее порой вступать со своими критиками в

прямую полемику. И она горячо заверяла «бедного критика, что счастье все-таки есть, и от него, как от солнца, никуда не денешься»...

Сейчас, листая книги Валентины Ионовны, невольно обращаешь внимание на то, что все ее любимые герои: Елена Никитина, Таня Лагутина, Данил Власов, Марианна Лера — молоды. Светлый мир юности, устремленность вперед, бескомпромиссность, бескорыстие и чистота этого мира были для нее чрезвычайно привлекательны. В границы этой темы входила и жизнь школы, которую, как уже сказано, Валентина Ионовна знала прекрасно. Лучшее, что ею написано — о молодежи и для молодежи.

Перечитывая книги Валентины Ионовны «Белая мальва», «Каштаны в цвету» сегодня, видишь, охватив все, что ею сделано, как год от году шлифовалось ее литературное умение, крепло, не изменяя своему складу, ее дарование, как открытая дидактичность первых произведений отошла, уступила место той сложной живописности изображения, при которой идея и ее литературная плоть: язык, образы, фабула — естественно сливаются в добром единстве.

Я особо люблю у Валентины Ионовны рассказ «Червонец».

Юная одинокая девушка, почти девочка, сирота, быть может, приезжает в чужой город. Поступает продавщицей в книжный магазин. Она очень нуждается, а это первая в ее жизни работа. Счастье! Но вдруг обнаруживается, что продавщица должна уметь считать на счетах, а героиня рассказа этого не умеет, и очень боится, что это обнаружится,— того и гляди, потеряешь место... И вот она отправляется искать мудреца, который научит ее этой хитрой науке, считать на счетах. Идет по незнакомым улицам, от дома к дому, и спрашивает, и находит человека, не только согласного ее научить, но и обогрешшего приветливым словом, семейным теплом у своего очага. А червонец что означает? Червонец девушка вручила доброму

человеку, как плату. А потом нашла его у себя в кармане целехоньким. Плату не взяли. Добро и сердечное тепло бескорыстны!

Отлично все это записано. Рассказ автобиографичен. Валентина Ионовна чувствовала себя вправе спорить с «бедным критиком». С первых шагов на нелегкой трудовой дороге жизнь показала ей красоту человеческого соучастия, вселила веру: добро — основа человеческого бытия.

То, что мною здесь говорится, не статья, не критический портрет, их о Валентине Ионовне писали и, должно быть, не раз напишут еще. Это всего лишь несколько личных, вылившихся на бумагу и отнюдь не канонических мыслей о рано ушедшем друге. Закончить их мне хотелось бы, приведя еще раз слова самой Валентины Ионовны.

На одной из ее книг, подаренных мне, есть такая надпись: «Пожалуй, эта книжка написана для предпоследнего абзаца страницы 225»... Книжка, о которой идет речь, «Белая мальва». Абзац на странице 225 гласит: «Да, жизнь и сложна, и трудна, бывают в ней тяжелые дни и годы, а все-таки счастья в ней больше, чем горя, и хороших людей больше, чем плохих. И если бы было иначе, то жить бы на свете не стоило, не стоило бы многим тысячам простых хороших людей честно трудиться для будущего человеческого счастья».

Так она верила. Так жила. И так трудилась. С верой в человеческое счастье.

НАТАЛЬЯ КАПИЕВА.